

Д.Ф. ДАБИЕВ

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (Кызыл, Россия)

ОБ УПРАВЛЕНИИ ПРИГРАНИЧНЫМИ РЕГИОНАМИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Показано, что существуют не только выгоды при создании зон свободной торговли в приграничных или прибрежных территориях, связанные с такими интеграционными возможностями как: беспошлинная торговля, открытие совместных предприятий в различных отраслях экономики, увеличение объема взаимной торговли между странами участниками свободной экономической зоны (СЭЗ), передача новейших технологий, увеличение инвестиционных потоков, в т. ч. зарубежных, возможность привлечения инвестиций крупных транснациональных компаний (корпораций) (ТНК), увеличение количества инфраструктурных объектов на территориях СЭЗ и в приграничных регионах, культурный, образовательный и профессиональный обмен между странами и т. д. Безусловно, существуют и отрицательные моменты, которые характерны скорее для развивающихся стран, поскольку если они включаются в экономические союзы с развитыми странами, то существует вероятность таких рисков как страной с экономикой «сборочного» типа, в котором из-за дешевизны факторов производства; риски для малых и средних предприятий, которые могут не выдержать конкуренции с крупными компаниями западных стран; политические риски и т. д. В дальнейшем возможно изучение влияния этих и других факторов на расширение экономического сотрудничества Тувы с Монголией и Китаем.

Ключевые слова: приграничные регионы, управление, зарубежный опыт, СЭЗ, Интеррег, КНР, экономика, сотрудничество.

Библ. 25 назв. С. 42–52.

*Работа выполнена по государственному заданию ТувНКОПП СО РАН:
Проект № 0307-2021-0005*

D.F. DABIEV

Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of SB RAS (Kyzyl, Russia)

THE MANAGEMENT OF BORDER REGIONS IN FOREIGN COUNTRIES

It is shown that there are not only benefits in the creation of free trade zones in border or coastal territories associated with such integration opportunities as: duty-free trade, the opening of joint ventures in various sectors of the economy, an increase in the volume of mutual trade between the countries participating in the free trade zone (FEZ), the transfer of new technologies, an increase in investment flows, including foreign, the possibility of attracting investment large transnational companies (enterprises) (TNCs), an increase in the number of infrastructure facilities in the territories of the FEZ and in the border regions, cultural, educational and professional exchange between countries, etc. There are also negative aspects that are more characteristic of developing countries, since if they are included in economic unions with developed countries, then there is a possibility of such risks as a country with an economy of the "assembly" type, in which, due to the cheapness of production factors; risks for small and medium-sized enterprises, medium-sized enterprises that may not be able to compete with large companies in Western countries; political risks, etc. In the future, it is possible to study the influence of these and other factors on the expansion of Tuva's economic cooperation with Mongolia and China.

Keywords: border regions, management, foreign experience, FEZ, Interreg, China, economy, cooperation.

References 25. P. 42–52.

Европейский опыт. Одним из самых успешных форм организации приграничного и трансграничного сотрудничества в послевоенной Европе с 50-х годов XX века становится модель так называемого еврорегиона, при котором приграничные муниципалитеты или регионы двух соседних стран сотрудничают на условиях создания таких условий, при котором происходит минимизация барьерных, и максимизация торговых и экономических функций границ. Здесь нельзя не отметить первый еврорегион — «Euroregion» в Гронау, созданный в 1958 г. на границе двух стран — Федеративной Германии и Нидерландов. Успешность этой модели интеграции среди стран Евросоюза (ЕС) говорит и то, что в настоящее время количество еврорегионов превышает сто (Стратегия..., 2018, с. 35), и при этом ни один не является стандартным, поскольку каждый такой проект имеет под собой юридическую, экономическую, социальные основы пусть близких по своей истории и культуре, но различных европейских стран.

Дальнейшему развитию еврорегионов способствовало создание Ассоциации европейских приграничных регионов (1971), создание Ассамблеи европейских регионов (1985) (Король, 2013).

А.В. Кузнецов (2008) выделяет 5 типов еврорегионов:

- Первый тип связан с созданием и развитием еврорегионов внутри капиталистических стран ЕС. К наиболее известным можно отнести «Саар-Лор-Люкс-Рейн», «Рейн-Вааль» и т. д.
- Второй тип связан с включением с 1963 г. в модели еврорегионов капиталистических стран, которые не входят в ЕС, в частности, таких как Швейцария, Лихтенштейн, Норвегия и т. д. В качестве примера можно привести такие еврорегионы, как «Верхний Рейн», «Юра», «Леман» и т. д. Отметим, что устранение различных барьеров на территории этих еврорегионов не только увеличило экономическую активность, но и позволило реализовать и крупномасштабные инфраструктурные проекты (межстрановые транспортные коридоры).
- С распадом Восточного блока и переориентацией социалистических стран Европы с планового типа хозяйствования на рыночный, барьерная функция границ этих стран смягчается и с расширением ЕС постепенно утрачивает значение. С началом 90-х годов появляется третий тип еврорегионов с включением в эту модель бывших социалистических стран ЕС, среди которых можно отметить такие еврорегионы как «Лаба-Эльба» (немецко-чешский), «Гласенсис» (чешско-польский) и т. д. Безусловно, страны с третьим типом еврорегионов характеризуются несколько меньшим инвестициями в экономические и инфраструктурные проекты, что не позволяет им на своей территории реализовывать крупные инфраструктурные проекты. Тем не менее, при дальнейшем развитии модели еврорегионов ожидается усиление интеграционных процессов, что должно сказаться на экономическом росте стран ЕС и их соседей, что тоже в свою очередь может стимулировать инвестиции в крупные проекты.
- К четвертому типу относят еврорегионы с участием стран СНГ, которые граничат со странами ЕС. К ним, как правило, относят еврорегионы с участием российских, украинских, белорусских регионов. Здесь можно отметить калининградско-европейские еврорегионы «Балтика», «Сауле», «Шешупе», российско-эстонско-латвийский еврорегион «Псков-Ливония» и т. д.
- К пятому типу относят еврорегионы, которые расположены не на территории стран ЕС.

Дальнейшему развитию приграничного и трансграничного сотрудничества в странах ЕС способствовало принятие Европейской Рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве (1980), создание Европейской Хартии о местном самоуправлении (1985), создание Конгресса местных и региональных властей Совета Европы (1994) (Кондратьева, 2020).

Кроме подхода еврорегионов следует выделить проект Интеррег, который был создан в 1990 г. в основном для содействия приграничного и трансграничного сотрудничества с бывшими социалистическими странами ЕС. Если бюджет программы

на начальном этапе был незначительным, то в последующие годы он увеличился до 12 млрд евро (2014–2020 гг.), при этом Интеррег финансирует около ста проектов (Кондратьева, 2020).

Тем не менее, мнение российских учёных об экономической эффективности влияния Интеррега на экономическое развитие стран ЕС несколько противоречиво. По мнению А.В. Кузнецова и О.В. Кузнецовой (2019) проекты, финансируемые из бюджета Интеррега, имеют более выраженный экономический эффект, чем политический или социальный. Н.Б. Кондратьева (2020), анализируя проекты, которые финансируются по линии Интеррег, приходит к выводу, что они, скорее всего, направлены на реализацию гуманитарных функций, чем экономических, не отрицая при этом и некоторый экономический эффект, который носит в основном локальный характер.

Укажем здесь, что результаты реализации проектов под эгидой еврорегионов существенно различаются по странам ЕС, они более эффективны в экономическом отношении в традиционных рыночных странах (ФРГ, Нидерланды, Франция и т. д.), чем в странах, которые входили в Восточный блок Европы. Безусловно, это связано не только с возможностями государственного управления, но и с экономической активностью населения, возможностью развития бизнеса, расположенного на этих территориях. Конечно, нельзя отрицать и значение более крупных бюджетов региональных и муниципальных органов западных стран ЕС по сравнению с восточноевропейскими.

Например, еврорегион «Саар-Лор-Люкс», в котором участвуют четыре западноевропейские страны, ранее относился к старопромышленным депрессивным районам Европы. Но, значительные инвестиции в новые промышленные отрасли и инновационные технологии в сочетании с тесным взаимодействием с университетами, научными институтами и различными компаниями, работающими в сфере высоких технологий, стали основой технологического кластера в данном еврорегионе (Степанов, 2019).

Если говорить о конкретных положительных сторонах создания еврорегионов как институтов в бывших социалистических странах, А.М. Викторovich (2005) на примере польско-немецких еврорегионов отмечает, что трансграничное сотрудничество выделяется в основном в культурном, туристическом, спортивном взаимодействии. К институциональным барьерам, которые замедляют трансграничное сотрудничество, автор относит такие факторы как ограниченность бюджетов в приграничных регионах, которые могли бы улучшить инфраструктурные (транспортные, коммуникационные) ограничения на границах, увеличить количество таможенных пунктов, значительно улучшить уровень туристского сервиса.

Кроме того, в еврорегионах, граничащих с Белоруссией, одним из существенных институциональных барьеров является непостоянность в правовой сфере.

К общим недостаткам можно отнести отсутствие или низкий уровень опыта в сфере приграничного сотрудничества, связанное как с наличием языковых барьеров так и с разницей менталитетов. Эти и другие факторы, видимо, ограничивают трансграничное сотрудничество в сфере развития экономики, транспорта, инфраструктуры (Викторovich, 2005).

Д.Г. Драган (2020), говоря о румынском опыте создания еврорегионов отмечает, что в этом вопросе страна получила некоторые экономические выгоды, связанные с реализацией проектов под эгидой еврорегионов, но учитывая некоторые сложности в политической сфере, она не сумела полностью реализовать свой экономический потенциал, при этом эта тенденция сохраняется на ближайшие годы.

С другой стороны, безусловным фактом является и то, что экономическое развитие в странах ЕС дотируется в гораздо больших масштабах по другим программам, напр., в 2014–2020 гг. под наднациональную региональную политику стран ЕС выделено 351,8 млрд евро, из которых около 77% выделяется на направление «Инвестиции для роста и занятости». Для сравнения, на реализацию программы «Интеррег» выделено около 10 млрд евро (Региональная..., 2015, с. 85).

Таким образом, еврорегионы как модель имеют различные формы приграничного сотрудничества в зависимости от стран-партнёров, участвующих в проектах, но при этом основная идея этой модели: применение и активизация трансграничного сотрудничества на локальном или муниципальном уровне. Видимо, локальность модели, которая по сути — механизм децентрализации управления, является основным движущим фактором и устойчивости еврорегионов (Региональная..., 2015, с. 109).

Китайский опыт. После окончания «культурной революции» в КНР, под руководством Дэн Сяопина были начаты экономические реформы, направленные не только на преобразование социалистического хозяйства, при котором были даны более широкие полномочия для госпредприятий, которые постепенно переходили на рыночные отношения, но и был взят курс на открытость экономики для иностранных инвестиций и технологий. Одним из главных инструментов этой политики стало создание особых экономических зон (ОЭЗ) в виде специальных экономических зон (СЭЗ), четыре из которых были открыты в 1980 г. — Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу и Сямынь, в 1988 г. была создана ОЭЗ в Хайнани. Если раньше в эпоху Мао Цзэдуна эти территории были отдалёнными и периферийными, учитывая возможные конфликты с Тайванем, Макао и Гонконгом, то с началом экономических преобразований и политики открытости, расположение этих городов на морском побережье и вблизи капиталистических китайских территорий, стало их преимуществом. В дальнейшем были созданы ОЭЗ не только на побережье, но и на материковом Китае, самым отдалённым из которых стал ОЭЗ в г. Кашгар в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (2010 г.) (Коуз, Ван, 2016, с. 59).

По сути апробация создания ОЭЗ в Китае стала более чем успешной, поскольку все цели, которые были поставлены руководством КНР в тот период, были выполнены благодаря налоговым преференциям, особому таможенному режиму на территориях ОЭЗ, с одной стороны, относительно дешёвой рабочей силе, предложение которой значительно превышало спрос. Это и привлечение иностранных инвестиций (в 1990-х годах около 25 % иностранных инвестиций приходилось на ОЭЗ), усвоение и заимствование передового опыта и технологий, достижение уровня заработной платы рабочих и служащих в СЭЗ до уровня китайских «тигров» (Сингапура, Тайваня, Гонконга), создание конкурентной экспортоориентированной продукции, создание китайских передовых предприятий по западным образцам и т. д. (Шеховцов и др., 2000).

В процессе развития ОЭЗ появилось множество различных их типов, которые зависели от поставленных задач. На начальном этапе в 1979–1984 гг. при СЭЗ-ах была создана система «трёх импортов и одной компенсации», суть которой заключалась в производстве импортных товаров по иностранным технологиям и использования метода компенсационной торговли, которая в целом похожа на лизинг оборудования. Высокую эффективность СЭЗ-ов показало также беспрецедентное увеличение стоимости выпущенной продукции, почти на три порядка в 1984 г. по сравнению с 1980 г., достигнув 1,8 млрд юаней. На следующем этапе развития ОЭЗ в 1984 г. были созданы зоны технико-экономического развития (ЗТЭР), главной целью которых стало создание совместных предприятий в сфере высоких технологий. Несмотря на некоторые трудности создания подобных предприятий, связанных с нежеланием иностранных инвесторов передавать свои технологии, установление на территориях ЗТЭР благоприятных налоговых, инфраструктурных и организационных условий позволило повысить качественный уровень производства китайских товаров, что привлекло в ЗТЭР ведущие транснациональные корпорации (ТНК) (Андреева и др., 2015). Кроме налоговых льгот следует отметить и неналоговые преференции в ЗТЭР для экспортоориентированных предприятий и предприятий в сфере высоких технологий: уменьшение или освобождение платежей за ЖКХ, аренду и т. д. (Шибанов, Шнейдер, 2016).

Кроме этих благоприятных экономических и инвестиционных условий, созданных на территориях ОЭЗ, положительно влияющих на увеличение зарубежных инвестиций в экономику КНР, следует отметить и использование правильно выстроенных

инструментов экономической политики государства. В частности, субсидирование государством основных факторов производства (энергоснабжение, водоснабжение, использование земли, труда и капитала) значительно удешевляют производство, что повышает их ценовую конкурентоспособность. С другой стороны, государство ставит своей целью доступность кредитов, их ставки не превышают пяти-семи процентов в год, что сразу повышает совокупный спрос (Никулина, 2014)..

Отметим, что развитие регионов, в которых поддержка оказывалась по линии ОЭЗ (в основном это были приморские регионы), шло относительно быстро по сравнению с внутренними и приграничными. Надежды на то, что приморские регионы потянут за собой внутренние континентальные регионы Китая оказались призрачными. В 80-е годы XX века это привело к диспаритету регионального развития, для выравнивания которого было решено применить комплекс институциональных подходов, известных как «пояс открытости», которые касались как приграничных регионов, так и внутренних. При этом зоны различались в зависимости от спецификации развития этих регионов и были нацелены на усиление развития тех отраслей, которые имели некоторые преимущества. Что касается развития приграничных территорий, то особое значение придавалось инфраструктурным проектам (автомобильные и железнодорожные дороги, мосты и т. д.). Первостепенное внимание уделялось также к институциональным механизмам развития приграничных регионов (Рыжова, 2008):

- восстановление «открытых портов» (т. е. таможенных пунктов, которые имеют особый статус) и формирование новых;
- провинциальные столицы и множество приграничных городов стали «открытыми» для зарубежных инвестиций.

Основными целями реализации этих механизмов являлись активизация приграничной торговли, создание промышленных и сельхозпредприятий, работающих в основном на экспорт своей продукции в соседние страны. Несмотря на то, что приграничные регионы КНР в целом уступают приморским регионам, положительными сторонами реализации поддержки их развития стало, с одной стороны, развитие местных перерабатывающих отраслей, а также существование потенциала вовлечения в международную торговлю, учитывая, что большинство этих регионов расположены на сухопутных и морских международных путях сообщения. Тем не менее, приграничные регионы Китая в основном расположены на периферийных и малонаселённых территориях, и создание СЭЗов на их территориях имеет скорее стабилизирующий эффект. Положительный опыт поддержки развития приграничных территорий КНР может быть полезен для России, поскольку статистические данные говорят, что в этих регионах наблюдается не только умеренный экономический рост, но и рост народонаселения.

Более подробно рассмотрим экономические зоны КНР, расположенные на границе с Монголией. В частности, Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), в котором по данным 2020 г. проживало более 25 млн человек. Для сравнения — в Сибирском федеральном округе по данным на начало 2022 г. проживало более 16 млн чел. населения (Предварительная..., 2022). Географически СУАР является не очень выгодным районом, учитывая его континентальность. Преимущество района заключается в его приграничности с восемью государствами в Центральной Азии, кроме того, на его территории разведаны значительные запасы месторождений нефти, газа, коксующихся углей, цветных, чёрных и благородных металлов (Политика..., 2014).

Учитывая, что СУАР в 1990-е годы значительно отставал в экономическом развитии от приморских районов Китая, то уже к 2015 г. Правительство Китая поставило задачу достичь уровня подушевого ВВП в автономном районе до среднего по стране. Для выполнения этих и других задач объёмы финансирования в основные фонды СУАР значительно увеличиваются, по разным оценкам в период 2011–2015 гг. они достигли двух триллионов юаней. На эти и другие средства, выделяемые

из государственного бюджета КНР, было построено множество инфраструктурных и социальных объектов на территории СУАР (Яо Ван, 2010).

В 1994 г. была создана технико-экономическая зона (ТЭЗ) вблизи г. Урумчи. При общих вложениях, оцениваемых почти в 4 млрд юаней, в течение пяти лет были построены все коммуникации, помещения для аренды, рынок, социальные объекты, зарегистрировано более пятисот различных предприятий, в т. ч. совместных, производственных и с зарубежными инвестициями, которые работают в различных отраслях экономики. При этом география стран-участников ТЭЗа очень широкая, что связано со значительными налоговыми преференциями — около 50 % на подоходный налог в течение пяти лет, а если предприятие является совместным, то освобождение от подоходного налога составляет 100 %, высоким организационным сервисом и полной гарантией сохранности частного капитала со стороны государства.

Таким образом, инструменты управления приграничными территориями в КНР достаточно гибки и эффективны, и нацелены на развитие не только приморских регионов, которые, конечно, имеют стратегическое значение для страны, но и периферийных, приграничных (Ковалева, 2014)

Страны Северной Америки. История создания беспошлинной торговли между США и Канадой имела некоторые предпосылки, соглашение о беспошлинной торговле автопродукцией было подписано ещё в 1965 г. (Федорова, 2012).

НАФТА как соглашение о создании ассоциации зоны свободной торговли между североамериканскими странами юридически начало действовать с 1994 г., при этом оно стало продолжением ранее созданной зоны свободной торговли между США и Канадой, которая начала действовать в 1989 г. В сферу беспошлинной торговли НАФТА подпали множество товаров в сфере автопрома, АПК, лёгкой промышленности, но стоит отметить, что не все товары подпали под его нормы, по некоторым из них таможенные пошлины снижались постепенно. К институциональным плюсам можно отнести нормы НАФТА, где было предусмотрено множество детализированных положений о разрешении различных споров, как в части торговли и провоза беспошлинной продукции, так и в сфере инвестиций. Это считается очень важным моментом для создания подобного рода зон, поскольку здесь учитывается важность защиты инвесторов, их частной собственности, что в конечном итоге повышает не только репутацию, но и заинтересованность потенциальных участников и инвесторов работать на этих рынках (Костюнина, 2015).

Безусловно, влияние НАФТА на развитие экономики стран его участников, учитывая, что она является одной из крупнейших в мире зон экономической торговли с населением почти 450 млн чел. и на неё приходится около трети мирового ВВП, является более чем положительным. В частности, указывается, что к общим положительным моментам можно отнести увеличение торгового оборота между странами-участниками, увеличение доходов населения, создание значительного количества новых рабочих мест в разных отраслях экономики, рост инвестиций, в т. ч. зарубежных, рост АПК почти во всех участниках стран НАФТА (Вагапова, 2011).

Тем не менее, учитывая разный уровень развития стран-участников североамериканской зоны экономической торговли, можно констатировать и разные для них последствия.

Если говорить о США, которые являются в данном случае экономическим лидером среди этих стран, то можно констатировать, что американское бизнес-сообщество было заинтересовано в мексиканской дешёвой рабочей силе и в высококвалифицированных канадских кадрах. Кроме того, членство в НАФТА привело к значительному увеличению внешнеторгового оборота США с Канадой и Мексикой, с 1993 г. за десять лет объём экспорта увеличился в пять раз, достигнув более 500 млрд долл., объём импорта в четыре раза — более 600 млрд долл. При этом США в основном экспортирует в страны НАФТА товары с более высокой добавленной стоимостью. Тем не менее, специалисты утверждают, что для США существуют и

отрицательные последствия, связанные с более высоким уровнем безработицы на границах Мексики и Канады (Костюнина, 2015).

Несмотря на то, что НАФТА оказала существенное положительное влияние на экономику Мексики, особенно в сфере промышленности, модернизации существующих производств, увеличении инвестиций, создании множества инфраструктурных объектов в приграничных регионах с США, существуют и множество отрицательных моментов. Например, значительно увеличился объём привлечённых зарубежных инвестиций в Мексику, достигнув за период 1993 по 2001 гг. более 100 млрд долл. (Сударев, 2008, с. 214–215), при этом около двух третей инвестиций в Мексику осуществлялось американскими и канадскими предприятиями. В приграничных с США регионах Мексики возникло множество обрабатывающих предприятий — так называемых «макиладорас», т. е. предприятий, получавших беспошлинные комплектующие для последующего получения конечной реэкспортной продукции. Однако, несмотря на то, что на этих предприятиях стало работать более одной трети всех работников обрабатывающей промышленности, феномен «макиладорас» не оказал существенного влияния на повышение доходов мексиканского населения (Костюнина, 2015). Кроме того, считается, что присутствие в НАФТА оказало отрицательное воздействие для мексиканских сельхозпроизводителей (Атаев, 2011). Но, по мнению некоторых специалистов, членство в НАФТА ускорило торговую либерализацию в агропроме Мексики, индустриализация привела к вытеснению множества мелких производителей и возникновению крупных аграрных холдингов. При этом не было урегулировано множество институциональных проблем, напр., высокие процентные ставки для сельхозпроизводителей, экспортная ориентация сельского хозяйства в ущерб внутреннему потреблению, что сказывалось на повышении цен сельхозпродукции (Костюнина, 2015).

Наименьшие выгоды от членства НАФТА получила Канада. Тем не менее, за период 1993–2003 гг. объём внешнеторгового оборота Канады со странами-участниками соглашения о свободной торговле также значительно вырос (в 2 раза с США, в 4 раза с Мексикой), увеличился объём инвестиций в экономику, канадская экономика получила доступ к мексиканским рынкам, вырос экспорт в Мексику продукции автопрома, добывающих отраслей, финансовых услуг. Кроме того, канадские сельхозпроизводители получили доступ к приграничным рынкам США, появилось множество американо-канадских совместных производств в сфере энергетики, автопрома, банковских и финансовых услуг, транспорта и т. д. (Костюнина, 2015).

В 2018 г. по инициативе Президента США Д. Трампа произошёл пересмотр некоторых пунктов соглашений США с Канадой и Мексикой, в т. ч. по обеспечению более широкого доступа американских производителей на рынки Канады и Мексики (Яковлев, 2019). Но при этом эти изменения скорее имеют политический оттенок, учитывая, что существенных изменений в пунктах НАФТА не произошло. Тем не менее, это характеризует усиление в последние годы в США протекционистских взглядов, связанных с опасениями о деиндустриализации страны, оттоке квалифицированных кадров и т. д.

Таким образом, анализ управления приграничных территорий в разных странах показывает, что при создании зон свободной торговли в приграничных или прибрежных территориях, связанных с такими интеграционными возможностями как: беспошлинная торговля, открытие совместных предприятий в различных отраслях экономики, увеличение объёма взаимной торговли между странами участниками СЭЗ, передача новейших технологий, увеличение инвестиционных потоков, в т. ч. зарубежных, возможность привлечения инвестиций крупных ТНК, увеличение количества инфраструктурных объектов на территориях СЭЗ и в приграничных регионах, культурный, образовательный и профессиональный обмен между странами и т. д. Безусловно, существуют не только выгоды, но и отрицательные моменты, которые характерны скорее для развивающихся стран, поскольку если они включаются в экономические союзы с развитыми странами, то существует вероятность риска превращения в

страну с экономикой «сборочного» типа из-за дешевизны факторов производства; для малых и средних предприятий риски заключаются в том, что они могут не выдержать конкуренции с крупными компаниями западных стран; существуют также политические риски и т. д.

Касаемо развития приграничных отношений для Тувы можно отметить возможность применения и опыта еврорегионов, и программы Интерегга, поскольку более тесные интеграционные связи, инициированные на муниципальном уровне, на уровне взаимодействия малого и среднего бизнеса, образовательных, спортивных, туристических и культурных учреждений и т. д., могут содействовать снижению институциональных барьеров, или, по крайней мере, поднять вопросы, касающиеся их снижения. Тува хотя и граничит с Монголией, можно отметить примерно такие же институциональные проблемы, о которых говорят европейские исследователи: языковой барьер между русским, тувинским населением с одной стороны, и с монгольским — с другой, безусловно, существует, поскольку тувинцы и монголы, несмотря на схожесть культур, говорят на разных языках, есть и некоторые различия в менталитете.

Кроме того, уровень бюджетных возможностей как Тувы в целом, так и её приграничных районов практически не даёт преодолеть инфраструктурные барьеры. Китайский опыт показывает, что на правительственном уровне подобные вопросы решаются значительно быстрее, инвестируются огромные средства на развитие периферийных районов с перспективой трансграничного сотрудничества с соседними странами, так и с целью диверсифицировать экономическое развитие, и здесь большую роль играют международные транспортные коридоры, в т. ч. связанные с концепцией «Один пояс — один путь». Безусловно, у Тувы есть серьёзные возможности включения в эту концепцию как по линии возможного строительства железнодорожной ветки по трассе Курагино–Кызыл–Эрдэнэт, но и перспектив развития автомобильных трасс как внутри республики, так и связанных с трансграничными территориями Монголии и Китая. В дальнейшем возможно изучение влияния этих и других факторов на расширение экономического сотрудничества Тувы с Монголией и Китаем.

Работа выполнена по государственному заданию ТуВИКОПП СО РАН:

Проект № 0307-2021-0005.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева М.Ю., Вотинцева Л.И., Чэнь Л.* Пространственные экономические системы Китая: эмпирические модели приоритетных направлений // Вестн. экономики, права и социологии. – 2015. – № 3. – С. 7–11.
- Атаев М.Р.* НАФТА: проблемы и перспективы сотрудничества США, Канады и Мексики // Власть. – 2011. – № 7. – С. 156–161.
- Вагапова Д.Ф.* НАФТА: влияние интеграции на конкурентоспособность стран-членов // Российский внешнеэкономический вестн. – 2011. – № 10. – С. 94–108.
- Викторович А.М.* Развитие трансграничного сотрудничества в Польше // Вестн. ГГТУ им. П.О. Сухого: Науч.-практ. журн. – 2005. – № 2. – С. 63–67.
- Драган Д.Г.* Трансграничная политика Румынии на примере «еврорегионов» // Проблемы постсоветского пространства. – 2020. – № 7(2). – С. 227–236. – DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-227-236>.
- Ковалева Г.Д.* СЭЗ: терять или приобретать? А может быть последовать опыту у соседей? // ЭКО. – 2014. – № 6. – С. 124–141.
- Кондратьева Н.* К 30-летию Интеррег. Трансграничное сотрудничество в Европе // Научно-аналит. вестн. ИЕ РАН. – 2020. – № 3. – С. 68–74.
- Король С.Н.* Еврорегион как форма развития трансграничного сотрудничества: история и особенности // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2013. – № 15 (158), вып. 27. – С. 176–179.
- Костюнина Г.М.* Североамериканская интеграция: 20 лет спустя // Вестн. МГИМО-Университета. – 2015. – № 2 (41). – С. 152–162.

- Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим / Пер. с англ. – М.: Новое изд-во, 2016. – 386 с.
- Кузнецов А.В. Еврорегионы: полвека «малой» интеграции // Современная Европа. – 2008. – № 2 (34). – С. 48–59.
- Кузнецов А.В., Кузнецова О.В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11. – № 4. – С. 58–75. – DOI: 10.5922/2079-8555-2019-4-4.
- Никулина С.И. Опыт привлечения иностранных инвестиций в КНР // Финансовый журн. – 2014. – № 3. – С. 167–175.
- Политика Китая относительно полезных ископаемых: «Белая книга» [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/russian/95884.htm>, свободный (дата обращения: 12.04.2022).
- Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2022 года и в среднем за 2021 год [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/>, свободный (дата обращения: 30.01.2022)
- Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / Под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – 137 с.
- Рыжова Н.П. Развитие окраинных регионов КНР: роль приграничного пояса открытости // Пространственная экономика. – 2008. – № 4. – С. 36–59.
- Степанов А.В. Еврорегион «Саар-Лор-Люкс» в условиях трансформации региональной политики ЕС // Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (26–28.09.2019, Петрозаводск) / Отв. ред.: Т.В. Морозова, Н.Г. Колесников. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. – С. 335–338.
- Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации / Под ред. Л.И. Попковой, Мадры Цезары, Л.Б. Вардомского. – Курск, 2018. – 130 с.
- Сударев В.П. Межамериканская система: генезис и эволюция (конец XIX – начало XXI вв.): Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки и специальностям «Международные отношения» и «Регионоведение». – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 314 с.
- Федорова В.В. Североамериканское соглашение о свободной торговле: уроки и современность // Вестн. МГУ. Серия 11: Право. – 2012. – № 6. – С. 76–83.
- Шеховцов А., Шестакова М., Громов А. Свободные экономические зоны: мировой опыт и перспективы в России // Вопр. экономики. – 2000. – № 10. – С. 104–117.
- Шибанов В.Е., Шнейдер О.А. Функционирование свободных экономических зон и их налогообложение: Российская практика и опыт КНР // Вестн. ВСГУИТ. – 2016. – № 2. – С. 262–268.
- Яковлев П.П. От НАФТА к ЮСМКА: реформа североамериканской интеграции // Российский внешнеэкономический вестн. – 2019. – № 1. – С. 75–87.
- Яо Ван. Предпосылки создания стратегических партнёрских отношений между КНР и странами Центральной Азии // Общество. Государство. Политика. – 2010. – № 3. – С. 79–96.

REFERENCES

- Andreyeva M.Yu., Votintseva L.I., Chen' L. Prostranstvennyye ekonomicheskiye sistemy Kitaya: empiricheskiye modeli prioritetnykh napravleniy [Spatial Economic Systems of China: Empirical Models of Priority Directions]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2015, no. 3, pp. 7–11. (In Russ.)
- Atayev M.R. NAFTA: problemy i perspektivy sotrudnichestva SSHA, Kanady i Meksiki [NAFTA: problems and prospects of cooperation between the USA, Canada and Mexico]. *Vlast' = Power*, 2011, no. 7, pp. 156–161. (In Russ.)
- Dragan D.G. Transgranichnaya politika Rumynii na primere «yevroregionov» [Cross-border policy of as «Euroregions» case study]. *Problemy postsovetского prostranstva = Problems of the post-Soviet space*, 2020, no. 7 (2), pp. 227–236. (In Russ.), doi: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-227-236>.
- Fedorova V.V. Severoamerikanskoye soglasheniye o svobodnoy trgovle: uroki i sovremennost' [North American Free Trade Agreement: Lessons and Modernity]. *Vestnik MGU = Bulletin of Moscow State University. Episode 11: Right*, 2012, no. 6, pp. 76–83. (In Russ.)

- Kondrat'yeva N. K 30-letiyu Interreg. Transgranichnoye sotrudnichestvo v Yevrope [Scientific and analytical bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Yevropy RAN = Scientific and analytical bulletin of the Institute of Europe of the RAS*, 2020, no. 3, pp. 68–74. (In Russ.)
- Korol' S.N. Yevroregion kak forma razvitiya transgranichnogo sotrudnichestva: istoriya i osobennosti [Euroregion as a form of development of cross-border cooperation: history and features]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika = Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: History. Political science. Economy. Informatics*, 2013, no. 15 (158), is. 27, pp. 176–179. (In Russ.)
- Kostyunina G.M. Severoamerikanskaya integratsiya: 20 let spustya [North American integration: 20 years later]. *Vestnik MGIMO-Universiteta = Bulletin of MGIMO-University*, 2015, no. 2 (41), pp. 152–162. (In Russ.)
- Kouz R., Van N. *Kak Kitay stal kapitalisticheskim* [How China Became Capitalist]: Translated from English. Moscow, New publ. house, 2016, 386 p. (In Russ.)
- Kovaleva G.D. SEZ: teryat' ili priobretat'? A mozhet byt' posledovat' opytu u sosedy? [SEZ: lose or gain? Or maybe follow the experience of the neighbors?]. *Ekonomicheskoye obozreniye = Economic review*, 2014, no. 6, pp. 124–141. (In Russ.)
- Kuznetsov A.V. Yevroregiony: polveka «maloy» integratsii [Euroregions: half a century of «small» integration]. *Sovremennaya Yevropa = Modern Europe*, 2008, no. 2 (34), pp. 48–59. (In Russ.)
- Kuznetsov A.V., Kuznetsova O.V. Izmeneniye roli prigranichnykh regionov v regional'noy politike stran YES i Rossii [Changing the role of border regions in the regional policy of the EU countries and Russia]. *Baltiyskiy region = Baltic region*, 2019, vol. 11, no. 4, pp. 58–75. (In Russ.), doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-4.
- Nikulina S.I. Opyt privlecheniya inostrannykh investitsiy v KNR [Experience in attracting foreign investment in China]. *Finansovyy zhurnal = Financial journal*, 2014, no. 3, pp. 167–175. (In Russ.)
- Politika Kitaya otnositel'no poleznykh iskopayemykh: «Belaya kniga»* [China's Mineral Policy: «Belaya Kniga»]. (In Russ.). Available at: <http://russian.china.org.cn/russian/95884.htm>, (accessed 12.04.2022).
- Predvaritel'naya otsenka chislennosti postoyannogo naseleniya na 1 yanvarya 2022 goda i v srednem za 2021 god* [Preliminary estimate of the resident population as of January 1, 2022 and an average for 2021]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/>, (accessed: 30.01.2022).
- Regional'naya politika: zarubezhnyy opyt i rossiyskiye realii* [Regional policy: foreign experience and Russian realities] / ed. by. A.V. Kuznetsov, O.V. Kuznetsova. Moscow, IMEMO RAS, 2015, 137 p. (In Russ.)
- Ryzhova N.P. Razvitiye okrainnykh regionov KNR: rol' prigranichnogo poyasa otkrytosti [Development of marginal regions of China: the role of the border zone of openness]. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*, 2008, no. 4, pp. 36–59. (In Russ.)
- Shekhovtsov A., Shestakova M., Gromov A. Svobodnyye ekonomicheskiye zony: mirovoy opyt i perspektivy v Rossii [Free economic zones: world experience and prospects in Russia]. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*, 2000, no. 10, pp. 104–117. (In Russ.)
- Shibanov V.Ye., Shneyder O.A. Funktsionirovaniye svobodnykh ekonomicheskikh zon i ikh nalo-gooblozheniye: Rossiyskaya praktika i opyt KNR [Functioning of free economic zones and their taxation: Russian practice and experience of the China]. *Vestnik VSGUIT = Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, 2016, no. 2, pp. 262–268. (In Russ.)
- Stepanov A.V. Yevroregion «Saar-Lor-Lyuks» v usloviyakh transformatsii regional'noy politiki YES [Euroregion «Saar-Lor-Lux» in the context of the transformation of the EU regional policy]. *Perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya prigranichnykh regionov* [Prospects for the social-economic development of border regions]: Proceedings of the VI Intern. Scientific and Practical Conf. (26–28.09.2019, Petrozavodsk) / ed. by.: T.V. Morozova, N.G. Kolesnikov. Petrozavodsk, Karelian Scientific Center of the RAS Publ., 2019, pp. 335–338. (In Russ.)
- Strategiya razvitiya prigranichnykh territoriy: traditsii i innovatsii* [Strategy for the Development of Border Territories] / ed. by.: L.I. Popkov, Madry Cezary, L.B. Vardomsky. Kursk, 2018, 130 p. (In Russ.)

- Sudarev V.P. *Mezhamerikanskaya sistema: genezis i evolyutsiya (konets XIX – nachalo XXI vv.)* [The Inter-American System: Genesis and Evolution (late 19th - early 21st centuries)]: Textbook for university students studying in the areas of training and specialties «International Relations» and «Regional Studies». Moscow, MGIMO-University Publ., 2008, 314 p. (In Russ.)
- Vagapova D.F. NAFTA: vliyaniye integratsii na konkurentosposobnost' stran-chlenov [NAFTA: the impact of integration on the competitiveness of member countries]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*, 2011, no. 10, pp. 94–108. (In Russ.)
- Viktorovich A.M. Razvitiye transgranichnogo sotrudnichestva v Pol'she [Development of cross-border cooperation in Poland]. *Vestnik GGTU im. P.O. Sukhogo = Pavel Sukhoi State Technical University of Gomel*:: Scientific and practical journal, 2005, no. 2, pp. 63–67. (In Russ.)
- Yakovlev P.P. Ot NAFTA k YUSMKA: reforma severoamerikanskoy integratsii [From NAFTA to USMCA: North American Integration Reform]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*, 2019, no. 1, pp. 75–87. (In Russ.)
- Yao Van. Predposylki sozdaniya strategicheskikh partnerskikh otnosheniy mezhdou KNR i stranami Tsentral'noy Azii [Prerequisites for creating strategic partnerships between the China and the countries of Central Asia]. *Obshchestvo. Gosudarstvo. Politika = Society. State. Politics*, 2010, no. 3, pp. 79–96. (In Russ.)